

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 3 / 2025, Vol. 8, Iss. 3 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 321.01

Государственный суверенитет в новых контурах международных отношений: теоретический аспект

¹ Шишкарева Т.Н.,
¹ Юго-Западный государственный университет

Аннотация: в условиях современного миропорядка, сложившегося в условиях глобализации, в правовой доктрине возникают дискуссии о государственном суверенитете как о категории не соответствующей реальным, фактическим отношениям в международном правовом пространстве, существующему миропорядку. В статье рассматриваются классические и современные теории суверенитета, анализируется содержание понятия государственного суверенитета с учетом его теоретического осмысливания и эмпирических факторов, детерминирующих его эволюцию. Представлена авторская позиция по дискуссионным вопросам, связанным с разграничением фактического и юридического суверенитета, правосубъектностью суверенных государств в системе международных отношений, соотношения национального и международного права. На основе осмысливания и коррекции классической теории суверенитета и эмпирических данных представлена попытка спрогнозировать место и значение суверенных государств в формирующемся многополярном мире.

Ключевые слова: государственный суверенитет, народный суверенитет, абсолютный суверенитет, ограниченный суверенитет, фактический суверенитет, юридический суверенитет, международные отношения, миропорядок, глобализация, многополярность

Для цитирования: Шишкарева Т.Н. Государственный суверенитет в новых контурах международных отношений: теоретический аспект // International Law Journal. 2025. Том 8. № 3. С. 12 – 18.

Поступила в редакцию: 4 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 марта 2025 г.; Принята к публикации: 22 апреля 2025 г.

State sovereignty in the new contours of international relations: theoretical aspect

¹ Shishkareva T.N.,
¹ South-West State University

Abstract: in the context of the modern world order, formed in the context of globalization, in the legal doctrine there are discussions about state sovereignty as a category that does not correspond to real, factual relations in the international legal space, the existing world order. The article examines classical and modern theories of sovereignty, analyzes the content of the concept of state sovereignty taking into account its theoretical understanding and empirical factors that determine its evolution. The author's position on controversial issues related to the distinction between actual and legal sovereignty, the legal personality of sovereign states in the system of international relations, the relationship between national and international law is presented. Based on the understanding and correction of the classical theory of sovereignty and empirical data, an attempt is made to predict the place and significance of sovereign states in the emerging multipolar world.

Keywords: state sovereignty, popular sovereignty, absolute sovereignty, limited sovereignty, actual sovereignty, legal sovereignty, international relations, world order, globalization, multipolarity

For citation: Shishkareva T.N. State sovereignty in the new contours of international relations: theoretical aspect. International Law Journal. 2025. 8 (3). P. 12 – 18.

The article was submitted: January 4, 2025; Approved after reviewing: March 2, 2025; Accepted for publication: April 22, 2025.

Введение

В современной отечественной правовой науке, а также в рамках политологического дискурса, все чаще возникают дискуссии о понятии и сущности такой политico-правовой категории как суверенитет. В условиях глобализации, сложившейся на основе гегемонии одного центра силы и приходящей ей на смену многополярности, основанной на признании в качестве акторов международных отношений цивилизаций, эта категория рассматривается как не соответствующая эмпирическим данным, то есть реальным, фактическим отношениям в международном правовом пространстве, существующему миропорядку. Несмотря на то, что сегодня дискуссия связана в основном с внешними свойствами суверенитета государства, она, несомненно, может затронуть и внутренний суверенитет. Во всяком случае, позиция в соответствии с которой можно разделить суверенитет на фактический и нормативный, то есть на сущее и должное, только на первый взгляд кажется сбалансированной. Вслед за признанием такого положения возникают идеи о необходимости отказа от признания суверенитета обязательным признаком государства. Закономерно возникает вопрос о том, к каким последствиям может это привести для существующей системы международных отношений.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым рассмотреть основные направления и этапы в развитии теории суверенитета, которые, как и сегодня, детерминировались определенными вызовами не только внутреннего, но и внешнего по отношению к государству и государственной власти свойства.

Цель исследования – рассмотреть эволюцию теории суверенитета с учетом трансформации международных отношений и миропорядка.

Задачи исследования:

- выявить основные этапы развития теории суверенитета;
- определить факторы, детерминирующие трансформацию правовой доктрины о суверенитете;
- осуществить анализ различных подходов к источникам суверенитета и определению понятия суверенитета;
- оценить соотношение государственного суверенитета и мирового порядка на разных этапах развития международных отношений.

Материалы и методы исследований

В работе использованы общефилософский диалектический метод, общелогические методы (системный анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия) и специальные методы исследования. Вследствие характера поставленных исследовательских задач, автором использовался специальный формально – юридический метод для раскрытия сущностных подходов к определению понятия суверенитета, сравнительно-правовой и историко – правовой методы для определения источников государственного суверенитета, выявления первичности суверенных государств как акторов международных отношений на различных этапах развития международных отношений. Эмпирическую базу исследования составила научная литература, правовые акты, судебная практика.

Результаты и обсуждения

Основоположником теории государственного суверенитета считается Ж. Боден, который в своем труде «Шесть книг о республике» (1576 г.) сформулировал понятие и признаки суверенитета. По мысли Бодена, суверенитет выступает в качестве абсолютной и постоянной власти государства над гражданами и подданными, причем данная власть является высшей и независимой властью как внутри страны, так и в отношениях с другими государствами, выше которой – только Бог и законы природы [7, с. 227]. Государственный суверенитет является обязательным признаком государства и сосредотачивается в руках суверена (монарха) и ограничивается только божественными и естественными законами. Такая концепция суверенитета детерминируется политическими, социальными, экономическими условиями развития европейского абсолютизма.

Теория государственного суверенитета в новое и новейшее время получила развитие в трудах многих мыслителей, но именно Ж. Боден и его последователи трактуют концепт суверенитета наиболее широко и однозначно, все его дальнейшее историческое развитие, как в теоретическом, так и практическом русле протекает в контексте постепенного, но неумолимого ограничения [6, с. 14].

Учение Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете в качестве суверена признает не правителя, а народ. Нетчуждаемый суверенитет принадлежит каждому члену общества, правитель подчиняется общей воле, гражданин, подчиняясь общей воле, по сути, подчиняется собственной воле. Несмотря на то, что практическая реализация идеи народного суверенитета без участия в этом процессе представительных органов власти даже в небольшом государстве представляется неосуществимой, ее теоретическое обоснование повлияло не только на дальнейшее развитие концепта суверенитета, но и на его практическое воплощение.

В своих трудах Гегель не противопоставлял народный и государственный суверенитет. Носителем суверенитета, по его мнению, был мировой Разум, воплощенный в разумном государстве [9, с. 55]. Помимо внутреннего суверенитета, трактуемого как единство всех ветвей государства, Гегель выделял внешний суверенитет, определяя его как независимость государства в международных отношениях.

В отечественной правовой доктрине в XIX в. можно выделить две противоположные концепции суверенитета. Сторонники теории юридической ограниченности суверенной власти Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий стояли на позиции делимости суверенитета [13, с. 63]. К сторонникам теории неограниченного суверенитета можно отнести Б.Н. Чичерина, Г.Ф. Шершеневича. Они полагали, государственная власть есть власть верховная, она юридически ничем не ограничена и безусловна [16, с. 29-30, 17, с. 206-207].

Внимание к внешнему суверенитету в трудах ученых детерминировалось развитием системы международных отношений и международного права. Г. Еллинек на рубеже XIX-XX вв. считал суверенной ту власть, которая не знает над собой какой-либо иной власти, и поэтому является верховной и независимой. При этом, верховенство проявляется во взаимоотношениях с другими державами, а независимость – во взаимодействии внутри государства с входящими в него лицами [5, с. 457]. Л. Оппенгейм и Г. Кельзен, характеризуя внешний суверенитет государства, полагали, что такой суверенитет не носит абсолютного характера и ограничен суверенитетом других государств. На практике это означает, что суверенные государства не должны вмешиваться в дела других суверенных государств-участников международных отношений [12, с. 260, 6, с. 15].

Сложившийся по результатам Тридцатилетней войны вестфальский миропорядок, основанный на признании суверенитета государств, в XIX- XX веке претерпел существенные изменения, поэтому политико-правовая доктрина о государственном суверенитете формировалась под влиянием эмпирических условий взаимодействия национальных суверенных государств в условиях ревизий миропорядка. Действительно, можно полагать, что Венский, Версальско – Вашингтонский, Ялтинско – Потсдамский и сложившийся после распада СССР миропорядок есть лишь ревизия Вестфальского миропорядка, в котором основными акторами международных отношений являются национальные суверенные государства [15, с. 37]. В этом случае, Вестфальский миропорядок в разные периоды приобретал новые параметры, обусловленные практической расстановкой сил между государствами. Так, Венский миропорядок, сложившийся после окончания Наполеоновских войн и действовавший до конца Первой мировой войны, сложился на основе баланса сил между сильнейшими государствами. Версальско – Вашингтонский миропорядок, просуществовавший между двумя мировыми войнами, формировался как глобальный миропорядок, но идеологическое противостояние между либерализмом, фашизмом и коммунизмом очень быстро привели к его деструкции. Ялтинско-Потсдамский миропорядок, сложившийся по итогам Второй мировой войны, основывался на совмещении двух принципов – глобального регулирования, выразившегося в деятельности ООН и других международных организаций и принципа баланса сил. При этом сложившийся баланс сил, учитывая потенциал СССР и США, тяготел к двухполлярности.

Возвращаясь к изменениям доктринальных взглядов на суверенитет в XX веке, стоит отметить, что с развитием системы международных отношений и участием государств в формировании их структуры, в юриспруденции и политологии стала проявляться позиция, в соответствии с которой государство, участвуя в международных организациях и заключая международные договоры обладает не абсолютным, а относительным суверенитетом, поскольку делегирует часть своих полномочий [13, с. 58]. В развитие данной позиции, заявляется о необходимости разделения юридического и фактического суверенитета, [10, с. 49] а значит, фактический суверенитет может быть делим и отчуждаем [4, с. 119]. Потеря суверенитета может быть связана с утратой фактической политической и экономической независимости.

На основе признания такого положения, сформировалась точка зрения, в соответствии с которой следует отказаться от признания суверенитета обязательным признаком государства [14, с. 17]. Во всяком случае, в соответствии с Концепцией Монтевидео 1933 г. для того, чтобы выступать субъектом международного права государство должно обладать следующими четырьмя признаками: постоянным населением, конкретной территорией, собственным правительством и способностью к вступлению в отношения с другими государствами. В числе этих признаков отсутствует суверенитет. Таким образом, Концепция Монтевидео 1933

г. признает субъектом международных отношений государства, обладающие определенными эмпирическими критериями.

В этой связи следует обозначить также концепцию признания суверенитета, в соответствии с которой суверенным статусом обладают субъекты, имеющие определенные внешние качества, а именно – признание в качестве государства со стороны международного сообщества [11, с. 71].

Как уже отмечалось выше, разделение суверенитета на юридический и фактический, может привести к попытке со стороны сильных государств признавать слабые государства несоставившимися. С другой стороны, в условиях глобализации это может привести к размыванию контуров международной правосубъектности.

Что касается возможного ограничения суверенитета нормами международного права на основании того, что участники Венской конвенции о праве международных договоров не могут ссылаться на положения внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения ими договора, полагаем, что это не означает отчуждение суверенитета, поскольку заключение международных договоров основано на суверенном праве государства. Российская правовая система однозначно отвечает на вопрос о соотношении международного и национального права и предусматривает дополнительные меры по охране суверенитета. Постановление КС РФ от 14.07.2015 г. № 21 – П устанавливает, что «заключение Российской Федерации международных договоров и участие в межгосударственных объединениях не означает ее отказа от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственно власти, полноту законодательно, исполнительно и судебно власти государства на все его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком РФ, характеризующим ее конституционно-правовой статус» [3]. В соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» Конституционный суд Российской Федерации наделяется компетенцией по разрешению дел о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации [2].

Противоположная позиция, основанная на отказе от признания относительного суверенитета в правовой доктрине связана с тем, что именно государство на основе своей суверенной власти обеспечивает институализацию международных отношений, создают международное право, а созданные ими институты и право, в свою очередь выступают гарантом признания суверенитета государств [8, с. 141]. К тому же вряд ли можно считать государство, активно участвующее в международных организациях и являющееся участником множества международных договоров лишенным суверенитета в буквальном смысле. Вопрос о соотношении суверенной власти государства и международного миропорядка носит не только доктринальный характер, поскольку последствием нормативного признания ограниченного суверенитета в практической плоскости может стать признание конкретных государств несоставившимися, как не обладающих фактическим суверенитетом.

На сегодняшний день, теория суверенитета, исходящая из первоочередного значения фактического суверенитета, не обладает достаточным инструментарием, который позволил бы определить критический объем отчуждаемых или делегированных полномочий, позволяющий считать государство несуверенным.

По поводу соотношения действия международного права и суверенных государств существует две основных позиций. В соответствии с первой - источником действия международного права является согласие суверенных государств, то есть только государства выступают субъектами международного права. В соответствии со второй позицией международное право формируется как некий консенсус международного сообщества, субъектами международного права выступают не только государства, но и неправительственные организации, корпорации и т.д. При этом любое государство обязано следовать нормам международного права, даже если оно не давало своего непосредственного согласия данным нормам следовать [11, с. 71].

Последняя позиция существует не только в современной правовой доктрине, но и объективизируется в деятельности международных организаций.

В 2000 г. под эгидой ООН была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая выработала новую концепцию государственного суверенитета - «Обязанность защищать», которая была принята ООН в 2005 г. В соответствии с данной концепцией суверени-

тет – это не право и не привилегия государства, а обязанность защищать жизнь и здоровье людей, проживающих на определенной территории. Если государство не может выполнить эту обязанность, то она возлагается на мировое сообщество. На основе реализации этой концепции была осуществлена гуманитарная операция в Мьянме в 2008 г., спецоперация в Ливии в 2011 г. Согласно статистике, за первые 40 лет существования ООН были проведены лишь 13 операций по поддержанию мира, за последующие 20 лет была развернута уже 51 миссия [14, с. 19].

В последнее время в ООН прослеживается тенденция к расширению перечня субъектов международных отношений за счет признания таковыми юридических и физических лиц, неправительственных организаций [6, с. 15]. 22-23 сентября 2024 г. в Нью-Йорке в рамках 79-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций прошло Заседание высокого уровня, получившего название «Саммит будущего». Результатом работы Саммита явилось принятие итогового документа – «Пакта во имя будущего», дополненного двумя приложениями: «Глобальным цифровым договором» и «Декларацией о будущих поколениях», которые направлены на изменение межгосударственной природы ООН. Россия выступила против принятия Пакта, поскольку его формулировки нацелены «на подрыв межправительственной природы Организации» [1]. Современный внешнеполитический курс, осуществляемый Российской Федерацией, с нашей точки зрения, направлен на очередную ревизию вестфальского миропорядка, в котором суверенные государства по-прежнему будут основными акторами международных отношений.

Миропорядок, сформировавшийся после распада СССР является ревизией Вестфальской системы международных отношений, в которой четко прослеживается тенденция к гегемонии одной державы в условиях глобализации. Предлагаемая сегодня Россией многополярность, является по сути дела, возвратом к системе баланса сил, то есть очередной ревизией, а не новым миропорядком [15, с. 37]. Однако, реальными субъектами такой системы баланса сил выступают не государства, а цивилизации. Таким образом, полюсов в новом мироустройстве должно быть гораздо меньше, чем признанных государств, так как большинство формально признаваемых суверенных государств не могут обеспечить свой суверенитет. Поскольку, с точки зрения идеи многополярного мира фактическими центрами принятия решений в международных делах не могут выступать все национальные государства, такими субъектами являются цивилизации (западная цивилизация, российская цивилизация, китайская цивилизация, индийская цивилизация и потенциальные цивилизации в арабском мире, на африканском и латиноамериканском континентах). Речь при этом идет не о юридическом, а о фактическом статусе таких полюсов принятия решений в сфере международных отношений. Если полагать, что многополярность в ее цивилизационном измерении является не просто ревизией Вестфальской системы, а абсолютно новым миропорядком, то вся система международных отношений требует полной перестройки и новой институализации, что, несомненно, приведет и к нормативному пересмотру теории суверенитета государства. Сложно прогнозировать насколько успешной будет являться юридическое закрепление складывающегося многополярного мира и как долго будет происходить этот процесс. К примеру, двухполярный и однополярный мир не заменили собой сложившуюся вестфальскую систему международных отношений, основанную на суверенитете национальных государств. Такая же ситуация может сложиться и с многополярным миром.

Выводы

Таким образом, государственный суверенитет остается важнейшим признаком государства как актора международных отношений, не подлежит отчуждению или ограничению. Суверенитет сохраняет свое универсальное значение в однополярном мире и условиях нарождающейся многополярности. На наш взгляд, цивилизационная многополярность является очередным этапом изменения вестфальской системы международных отношений. В этой системе будут существовать принципы глобального управления и баланса сил, но не на основе гегемонии или биполярности, а на основе цивилизационной многополярности. Почему именно цивилизации выступают акторами нарождающегося многополярного мира? Сегодня поляризация отношений в мире в меньшей степени связана с противоборством политических идеологий, как это было в XX веке. Обостряемые противоречия в мире, конечно, сохраняют и экономическую экспоненту, но основной водораздел происходит именно между существующими ценностными системами, различиями в духовной жизни цивилизаций.

В таких условиях неизбежно формирование институтов многополярного мира, хотя бы для того, чтобы обеспечить субъективизацию полюсов, которые вступили в борьбу с западной цивилизацией для построения многополярности. На современном этапе ни один из этих полюсов – цивилизаций в одиночку не может противостоять Западу, а, следовательно, необходимо обеспечить развитие интеграционных процессов между этими новыми акторами международной повестки. При этом суверенные государства, по-прежнему, остаются основными участниками международных отношений в рамках построения системы глобального управления (деятельность ООН), одновременно вступая в интеграционные объединения, формируемые цивилизационными полюсами.

Финансирование

"Публикация подготовлена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030»

Список источников

1. Выступление заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Вершинина на «Саммите будущего», Нью-Йорк, 23 сентября 2024 года https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/vystupleniya_zayavleniya/1970892/ (дата обращения: 06.12.24)
2. Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 №1-ФКЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/
3. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/
4. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. 1006 с.
5. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004 (Акад. тип. Наука РАН). 750 с.
6. Ковалев В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 1 (58). С. 13 – 25.
7. Лейст Э.О. История политических и правовых учений. М.: Издательство «Зерцало», 2000. 688 с.
8. Лукашук И.И. Глобализация. Государство. Право. XXI век. М., 2000. 261 с.
9. Морозова Л.А. Современное прочтение теории государственного суверенитета // Государство и право. №2. 2017. С. 53 – 59.
10. Морозова А.С., Караваев А.Т. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета // История государства и права. 2014. № 20. С. 45 – 50.
11. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма»// Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 64 – 78.
12. Оппенгейм Л. Международное право. М. Государственное издательство иностранной литературы. Т. 1. 1948. 407 с.
13. Поцелуев Е.Л. Обсуждение (дискурс) суверенитета в российской правовой науке // Государство и право. 2026. № 12. С. 54 – 63.
14. Субочев В.В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политico-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 13 – 21.
15. Фененко А.В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. 2023. Т. 21 № 1 (72). С. 6 – 42.
16. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Москва: Директ-Медиа, 2010. Т. 1. Общее государственное право. 715 с.
17. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911 // Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Хрестоматия: учеб. пособие / Под ред. Т.Н. Радько. М., 1998. 376 с.

References

1. Speech by Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Vershinin at the "Summit of the Future", New York, September 23, 2024 https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/vystupleniya_zayavleniya/1970892/ (date of access: 06.12.24)
2. Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ. [Electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015 No. 21-P. [Electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/
4. Velyaminov G.M. International law: experiments. Moscow: Statut, 2015. 1006 p.
5. Jellinek G. General doctrine of the state. St. Petersburg: Legal center Press, 2004 (Academic type. Science of the Russian Academy of Sciences). 750 p.
6. Kovalev V.S. State sovereignty in the international and integration dimensions. Law and management. XXI century. 2021. Vol. 17. No. 1 (58). P. 13 – 25.
7. Leist E.O. History of political and legal doctrines. Moscow: Publishing house "Zertsalo", 2000. 688 p.
8. Lukashuk I.I. Globalization. State. Law. XXI century. Moscow, 2000. 261 p.
9. Morozova L.A. Modern reading of the theory of state sovereignty. State and Law. No. 2. 2017. P. 53 – 59.
10. Morozova A.S., Karasev A.T. Some approaches to understanding state sovereignty. History of the state and law. 2014. No. 20. P. 45 – 50.
11. Musikhin G.I. Classification of theories of sovereignty as an attempt to overcome "conceptual egoism". Social Sciences and Modernity. 2010. No. 1. P. 64 – 78.
12. Oppenheim L. International Law. M. State Publishing House of Foreign Literature. Vol. 1. 1948. 407 p.
13. Potseluev E.L. Discussion (discourse) of sovereignty in Russian legal science. State and Law. 2026. No. 12. P. 54 – 63.
14. Subochev V.V. Disappearance of Sovereignty: Theoretical Analysis of Political and Legal Realities. Legal Policy and Legal Life. 2016. No. 2. P. 13 – 21.
15. Fenenko A.V. World Order as a Theoretical and Methodological Category. International Processes. 2023. Vol. 21 No. 1 (72). P. 6 – 42.
16. Chicherin B.N. Course of state science. Moscow: Direct-Media, 2010. Vol. 1. General state law. 715 p.
17. Shershenevich G.F. General theory of law. Moscow, 1911. Khropanyuk V.N. Theory of state and law. Reader: textbook. Ed. T.N. Radko. Moscow, 1998. 376 p.

Информация об авторе

Шишкарева Т.Н., доцент, Юго-Западный государственный университет, grohotova@inbox.ru

© Шишкарева Т.Н., 2025